

ПОДХОД К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

Значение снов

Перевод В.В.Зеленского

Человек пользуется устным или письменным словом для того, чтобы выразить смысл, который он хотел бы передать. Наш язык полон символов, но мы также пользуемся знаками и образами не строго описательными. Некоторые являются простыми аббревиатурами, т.е. рядом заглавных букв, таких, например, как ООН, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, другие — торговые марки, названия лекарств, нашивки, эмблемы, знаки различия. Сами по себе бессмысленные, они приобретают узнаваемость в результате общего употребления или преднамеренным обращаем. Это не символы. Это — знаки, и они лишь обозначают объекты, к которым относятся.

То, что мы называем символом, — это термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу. Это подразумевает нечто смутное, неизвестное или скрытое от нас. Например, многие критские памятники отмечены знаком двойной секиры. Это предмет, который мы узнаем, но его символический смысл вам неизвестен. Или представьте себе индуса, который, вернувшись из Англии, рассказывает друзьям, что англичане поклоняются животным, поскольку в старых английских церквах он обнаружил изображения орлов, львов, быков. Он не знал (как и многие христиане), что эти животные — символы евангелистов, восходящие к видению пророка Иезекииля, а видение, в свою очередь, имеет предшествующую аналогию в египетском боге солнца Горе и его четырех сыновьях. Существуют такие примеры, как колесо и крест, известные повсеместно, хотя и при определенных условиях имеют символическое значение. То, что они символизируют, — все еще предмет противоречивых суждений.

Таким образом, слово или изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Они имеют более широкий “бессознательный” аспект, который всякий раз точно не определен или объяснить его нельзя. И надеяться определить или объяснить его нельзя. Когда мы исследуем символ, он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого рассудка. Колесо может привести наши мысли к концепции “божественного солнца”, но здесь рассудок должен допустить свою некомпетентность: человек не способен определить “божественное” бытие. Когда со всей нашей интеллектуальной ограниченностью мы называем что-либо “божественным”, мы всего лишь даем ему имя, которое основывается на вере, но никак не на фактическом свидетельстве.

Так как существует бесчисленное множество вещей за пределами человеческого понимания, то мы постоянно пользуемся символической терминологией, чтобы представить понятия, которые мы не можем определить или полностью понять. Это одна из причин, по которой все религии пользуются символическим языком или образами. Но подобное сознательное использование символов — лишь один аспект психологического факта большого значения: человек также продуцирует символы спонтанно и бессознательно в форме снов.

Это не так легко понять. Но понять необходимо, если мы хотим узнавать больше о том, как работает человеческое сознание. Человек, если мы внимательно поразмыслим, никогда ничего полностью не воспринимает и никогда ничего полностью не понимает. Он может видеть, слышать, осязать, воспринимать вкус, но насколько далеко он видит, как хорошо он слышит, что говорят ему осязание и вкус, зависит от количества и качества его ощущений. Они ограничивают восприятие окружающего его мира. Пользуясь научной аппаратурой, человек может частично компенсировать недостатки своих органов чувств. Например, он может увеличить пределы зрения с помощью бинокля, а чувствительность слуха с помощью электронного усиления. Но большинство разработанных приборов не могут сделать что-нибудь большее, нежели приблизить отдаленные и маленькие объекты к его глазам или сделать слабые звуки более слышимыми. Неважно, какими инструментами он пользуется, в некоторой точке все равно наступает предел уверенности, за который осознанное знание переступить не может.

Более того, существуют бессознательные аспекты нашего восприятия реальности. Когда наши органы чувств реагируют на реальные явления, скажем, изображения или звуки, они переводят их из области реального в область разума, — это очевидный факт. Здесь они становятся психическими явлениями, конечная природа которых непознаваема (психика не может познать свою собственную психическую сущность). Поэтому любой опыт содержит бесконечное множество неизвестных факторов, не говоря уже о том, что каждый конкретный объект всегда неизвестен в определенных отношениях, поскольку мы не можем знать конечной природы самой материи.

Кроме того, существуют некоторые события, которые мы не отмечаем в сознании; они остаются, так сказать, за порогом сознания. Эти события имели место, но были восприняты подпорогово, без участия нашего сознания. Мы можем узнать о таких событиях только интуитивно идя в процессе глубокого размышления, который ведет к последующему осознанию того, что они должны были произойти; и хотя первоначально мы игнорировали их эмоциональное и жизненное значение, оно все же проступило из бессознательного в виде послемысли. Подобные события могут проявиться, например, в форме снов. Как общее правило, бессознательный аспект любого явления открывается нам в снах, в которых он возникает не как рациональная мысль, а в виде символического образа. Исторически именно изучение снов подвигнуло психологов на изучение бессознательного аспекта сознательных психических явлений.

Именно на основе таких свидетельств психологи предположили факт существования бессознательной психики, хотя многие ученые и философы отрицают ее существование. Они наивно полагают, что подобное предположение ведет к допущению существования двух “субъектов”, или (говоря обычным языком) двух личностей, внутри одного индивида. В действительности же так оно и есть. И одно из проклятий современного человека заключается в том, что он страдает от расщепления собственной личности. И это ни в коем случае не патологический симптом, а нормальный факт (нормальное явление), который можно наблюдать везде и в любое время. Не только у невротиков правая рука не знает, что делает левая. Это неприятное положение является симптомом общей бессознательности, бесспорного общего наследия всего человечества.

Человек развивал свое сознание медленно и трудно. Потребовались бессчетные века, чтобы достичь цивилизованного состояния (которое произвольно датируется со времени изобретения письменности около 4000 лет до н.э.). Эта эволюция и сейчас далека от завершения, поскольку значительные области человеческого разума погружены в темноту. То, что мы называем “психическим”, “душой”, ни в коей мере не идентично с нашим сознанием и его содержанием.

Тот, кто отрицает существование бессознательного, фактически предполагает, что наше нынешнее знание психики является полным. Но эта вера с очевидностью ложна, так же как ложно и предположение, что мы знаем все, что можно знать о вселенной. Наша психика лишь часть природы, и тайна ее безгранична, поэтому мы не можем получить полное определение ни психическому, ни природе. Мы можем лишь заявлять, что верим в их существование и описываем, как умеем, — лучшее из того, что мы можем, — каким образом они действует. Помимо свидетельств, собранных в медицинских исследованиях, существуют сильные логические основания, чтобы отвергнуть заявления типа “бессознательное не существует”. Утверждающие это лишь выражают древний “мизонеизм” — страх перед новым и неизвестным.

Разумеется, есть исторические основания для противостояния идее существования неведомой области в человеческой психике. Сознание — относительно недавнее приобретение природы, и оно все еще пребывает в стадии “эксперимента”. Оно хрупко, подвержено опасностям: и легко ранимо. Как заметили антропологи, одним из наиболее общих проявлений умственного расстройства, встречающегося у первобытных племен, оказывается то, что последние сами называют “потерей души”, что означает, как указывает само название, заметное разрушение (точнее, диссоциацию) сознания.

Среди людей, чье сознание находится на уровне развития, отличающемся от нашего, “душа” (психика) не ощущается как нечто единое. Многие первобытные племена считают, что человек имеет помимо собственной еще и “лесную душу”. И что эта душа лесная воплощена в диком животном или в дереве (друиды), с которыми тот или иной человек имеет некоторую психическую идентичность. Именно это известный французский этнолог Леви-Брюль назвал “мистическим участием”. Правда, позже под давлением критики он отказался от этого термина, но я полагаю, что его оппоненты были неправы. Хорошо известно психологическое состояние, когда человек может находиться в состоянии психической идентичности с другим человеком или предметом.

Подобная идентичность среди первобытных племен принимает самые разнообразные формы. Если лесная душа принадлежит животному, само животное считается человеку как бы братом. Предполагается, что человек, чей брат крокодил, находится в безопасности, когда плавает в реке, кишасей крокодилами. Если его душа — дерево, то считается, что дерево имеет по отношению к нему нечто вроде родительской власти. В обоих случаях тот или иной ущерб, нанесенный лесной душе, истолковывается как повреждение самому человеку.

В ряде племен полагают, что человек имеет сразу несколько душ; такая вера отражает некоторые первобытные представления о том, что каждый человек состоит из нескольких связанных между собой, но различающихся отдельностей. Это означает, что человеческая психика далека от полного синтеза, напротив, она слишком легко готова распасться под напором неконтролируемых эмоций.

Хотя описанная ситуация известна нам по работам антропологов, ею не следует пренебрегать и в нашей развитой цивилизации. Мы тоже можем оказаться диссоциированными и утратить собственную идентичность. На нас влияют различные настроения, мы можем становиться неразумными, порой мы не можем вспомнить самые важные факты о самих себе или других, так, что люди даже удивляются: “Что за черт в тебя вселился?”. Мы говорим о способности “контролировать” себя, но самоконтроль — весьма редкое и замечательное качество. Мы можем думать, что полностью контролируем себя; однако друг может без труда рассказать нам о нас такое, о чем мы не имеем ни малейшего представления.

Вне всякого сомнения, даже на так называемом высоком уровне цивилизации человеческое сознание еще не достигло приемлемой степени целостности. Оно все так же уязвимо и подвержено фрагментации. Сама способность изолировать часть сознания безусловно ценная характеристика. Она позволяет нам сконцентрироваться над чем-то одним, исключив все остальное, что может отвлечь наше внимание. Но существует огромная разница между сознательным решением отделять и временно подавить часть психики и ситуацией, когда это возникает спонтанно, без знания или согласия на это, и даже вопреки собственному намерению. Первое — достижение цивилизации, второе — примитивная (первобытная) “потеря души”, или патологический случай невроза.

Таким образом, в наши дни единство сознания — дело все еще сомнительное, слишком легко оно может быть разрушено. Способность же контролировать эмоции, весьма желательная с одной стороны, с другой оказывается сомнительным достижением, так как лишает человеческие отношения разнообразия, тепла и эмоциональной окраски.

Именно на этом фоне мы и должны рассмотреть важность снов — этих легких, ненадежных, изменчивых, смутных и неопределенных фантазий. Чтобы объяснить свою точку зрения, я бы хотел описать, как она развивалась с годами и как я пришел к выводу, что сны — это наиболее частный и универсальный доступный источник для исследования способности человека к символизации. Зачинателем этого дела в практическом исследовании бессознательного фона сознания был Зигмунд Фрейд. Общим положением в его работе было то, что сны не являются делом случая, а связаны с сознательными проблемами и мыслями. Такое предположение никоим образом не было произвольным. Оно основывалось на выводах известных неврологов (например, Пьера Жане), что невротические симптомы связаны с определенным сознательным опытом. Эти симптомы оказываются даже некими отщепленными областями сознательного разума, областями, которые в другое время и при других обстоятельствах были бы сознательными.

В конце прошлого века Фрейд и Иосиф Брейер выяснили, что невротические симптомы — истерия, некоторые виды боли и ненормальное поведение — несут в себе символическое значение. Это один из путей, по которым бессознательная психика проявляет себя, равным образом как и в снах, и оба пути оказываются одинаково символичны.

У пациента, который, к примеру, столкнулся с непереносимой ситуацией, может развиваться спазм при глотании: “он не может это проглотить”. В сходных условиях психологического стресса другой пациент получает приступ астмы: он “не может дышать атмосферой дома”. Третий страдает от паралича ног: “он не может ходить”, т.е. “не может больше идти”. Четвертый, которого рвет во время еды, “не может переварить” какой-то неприятный факт. Можно процитировать много примеров подобного рода, но такие физические реакции лишь одна из форм, в которой выражаются проблемы, нас бессознательно волнующие. Чаще же они находят воплощение в снах.

Любой психолог, которому довелось выслушивать людей, описывающих свои сны, знает, что символика сна намного разнообразнее, чем физические симптомы неврозов. Она часто состоит из детально разработанных и живописных фантазий. Но если аналитик при работе с материалом этих снов будет использовать разработанную Фрейдом технику “свободных ассоциаций”, он в конце концов обнаружит, что сны могут быть сведены к нескольким основным типам. Эта техника сыграла важную роль в развитии психоанализа, так как она позволила Фрейду использовать сны как исходную точку для исследования бессознательных проблем пациента.

Фрейд сделал простое, но глубокое наблюдение, — если поощрить видевшего сон продолжать рассказывать о своем сновидении и мыслях, на которые оно наводит, то пациент пойдет достаточно далеко и откроет бессознательный фон своего недуга: как тем, что он скажет сам, так и тем, о чем он бессознательно умолчит. Идеи сновидца могут казаться иррациональными и несущественными, но через некоторое время легко замечаемым оказывается то, чего он старается избежать, какие неприятные мысли или переживания он в себе подавляет. Неважно, каким путем он стремится замаскировать это; все, что он говорит, указывает на суть его проблемы. Врач вообще-то достаточно часто сталкивается с темными сторонами жизни людей, что позволяет ему редко ошибаться при интерпретации намеков, которые пациент выдает за знаки его встревоженной совести. То, что открывается в конце концов, к сожалению, обычно подтверждает его предположения. В этой области трудно что-либо возразить против фрейдовской теории вытеснения и осуществления желаний как очевидной причины символизма снов.

Фрейд придавал особое значение снам как отправной точке процесса “свободных ассоциаций”. Но спустя время я стал чувствовать, что использование богатых фантазий, которые бессознательное продуцировало во время сна, было неадекватным и порой вводящим в заблуждение. Мои сомнения начались, когда однажды коллега рассказал мне о своих

переживаниях во время долгого железнодорожного путешествия по России. Хотя он не знал языка и не мог даже разобрать написание кириллического алфавита, по дороге он размышлял над странными буквами, которыми были выполнены железнодорожные надписи, и фантазировал, придумывая для них разные значения.

Одна мысль порождала другую, и в неспешном расслабленном состоянии он обнаружил, что “свободные ассоциации” всколыхнули много старых воспоминаний. Среди них досадно обнаружились некоторые давно утраченные и неприятные темы, которые он не хотел держать в памяти и сознательно забыл. Фактически этот человек оказался перед тем, что психологи назвали бы его “комплексами”, т.е. подавленным эмоциональным содержанием, которое могло вызывать постоянное психологическое раздражение или в некоторых случаях даже симптом невроза.

Этот эпизод навел меня на ту мысль, что нет необходимости рассматривать сны как исходную точку процесса “свободных ассоциаций” в том случае, если хочешь определить комплексы пациента. Описанный случай продемонстрировал мне, что можно достичь центра непосредственно с любой точки окружности. Можно начать с букв кириллицы, с медитации перед хрустальным шаром, с молитвенного колеса или современной живописной картины, или даже со случайного разговора по поводу пустякового события. В этом отношении сон столь же эффективен, как и любое другое отправное событие. И тем не менее сны имеют особое значение даже тогда, когда они возникают в результате эмоционального расстройства, в которое вовлечены присущие тому или иному лицу комплексы. (“Привычные” комплексы — это наиболее чувствительные зоны психики, приоритетно реагирующие на внешние беспокоящие стимулы.) Вот почему свободные ассоциации могут привести от любого сна к потаенным кризисным мыслям.

Здесь, однако, до меня дошло (если до того я был прав), что сами сны имеют свою собственную, отдельную, имеющую смысл функцию. Очень часто сны имеют определенную, с очевидностью целеполагающую структуру, указывающую на подспудную идею или намерение, хотя, как правило, последние столь быстро не воспринимаются как таковые. Поэтому я стал размышлять, нужно ли уделять больше внимания актуальной форме и содержанию сна, или же позволить “свободной ассоциации” вести по цепи мыслей к комплексам, которые могут быть легко обнаружены и другими способами.

Эта новая мысль и была поворотным моментом в развитии моей психологии. Постепенно я оставил ассоциативный путь, который уводил от содержания самого сна. Я предпочел сконцентрироваться на ассоциациях непосредственно самого сна, полагая, что последний выражает нечто специфическое, что пытается выразить бессознательное. Изменение моего отношения к снам повлекло изменение и самого метода; новый метод принимал во внимание все широкое разнообразие области сновидений. История, рассказанная сознательным разумом, имеет свое начало, развитие и конец, но во сне все обстоит иначе. Координаты времени и

пространства здесь совершенно другие, и, чтобы это понять, необходимо исследовать сон со всех сторон, точно так же, как можно взять в руки неизвестный предмет и поворачивать его до тех пор, пока не выявятся все особенности его формы.

Возможно, я уже достаточно полно показал, как постепенно пришел к разногласию со “свободной ассоциацией” Фрейда; я стремился держаться как можно ближе к самому сну и исключать все малозначительные идеи и ассоциации, которые он вызывал. И хотя они на самом деле могли привести к комплексам у пациента, у меня имелась другая, более далеко идущая цель, чем выявление комплексов, вызывающих невротические расстройства. Существует много иных способов, посредством которых их можно обнаружить, например, психолог может получить все нужные указания с помощью тестов словесных ассоциаций (спросив пациента, с чем он связывает данный набор слов, и изучив его ответы). Но чтобы узнать и понять психическую жизнь целостной отдельной личности, важно осознать, что сны человека и их символические образы играют более значительную роль.

Почти каждый, например, знает, что существует бесчисленное множество образов, которые могут символизировать половой акт (или, можно сказать, представленных в форме аллегории). Любой из этих образов путем ассоциации может привести к идее полового акта и к специфическим комплексам, которые проявляются у индивида в отношении собственных сексуальных установок. Но точно так же можно выявить эти комплексы путем фантазирования над незнакомыми русскими буквами. Отсюда я пришел к предположению о том, что сон может нести в себе и иное послание, чем сексуальная аллегория, и что это происходит по определенным причинам. Попробую это проиллюстрировать.

Человеку может присниться, что он вставляет ключ в замок, машет тяжелой палкой или пробивает дверь таранящим предметом. Все эти действия можно рассматривать как сексуальную аллегория. Но фактически само бессознательное выбирает один из этих специфических образов: это может быть и ключ, и палка, или таран, — и это обстоятельство само по себе также значимо. Всякий раз задача заключается в том, чтобы понять, почему ключ был предпочтен палке или тарану. И иногда в результате оказывается, что содержание сна означает вовсе не сексуальный акт, а имеет другую психологическую интерпретацию.

Рассуждая таким образом я пришел к выводу, что в интерпретации сна должен принимать участие лишь тот материал, который составляет ясную и видимую его часть. Сон имеет свои собственные границы. Его специфическая форма говорит нам, что относится ко сну, а что уводит от него. В то время как “свободная ассоциация” уводит от материала по некой зигзагообразной линии, метод, разработанный мной, больше похож на кружение, центром которого является картина сна. Я все время вращаюсь вокруг картины сна и отвергаю любую попытку видевшего сон уйти от него. Снова и снова в своей профессиональной работе я вынужден повторять: “Вернемся к вашему сну. Что этот сон говорит?”.

Например, моему пациенту приснилась пьяная, растрепанная вульгарная женщина. Ему

казалось, что эта женщина — его жена, хотя на самом деле его жена была совсем иной. Внешне сон представляется абсолютной бессмыслицей, и пациент отвергает его, считая полной ерундой. Если бы я, как врач, позволил ему начать процесс ассоциаций, он неизбежно попытался бы уйти как можно дальше от неприятного намека своего сна. В этом случае он закончил бы одним из своих ведущих комплексов — комплексом, который, возможно, не имел ничего общего с женой, и тогда мы ничего бы не узнали о значении этого сна.

Что же тогда пыталось передать его бессознательное с помощью своего с очевидностью ложного заявления? Ясно, что оно как-то выражало идею дегенерировавшей женщины, тесно связанной с жизнью пациента, но так как проекция этого образа на его жену была неоправданной и фактически неверной, я должен был поискать в другом месте, дабы обнаружить, что же собой представлял этот отталкивающий образ.

Еще в средние века, задолго до того, как физиологи выяснили, что в каждом человеке наличествуют мужские-женские гормональные элементы, говорилось, что “каждый мужчина несет в себе женщину”. Этот женский элемент в каждом мужчине я называл “Анима”. Женский аспект представляет определенный подчиненный уровень связи с окружающим миром и, в частности, с женщинами, уровень, который тщательно скрывается от других и от себя. Другими словами, хотя видимая личность человека может казаться совершенно нормальной, он может скрывать от других — и даже от самого себя — плачевное положение “женщины внутри”.

Именно так и обстояло дело с моим конкретным пациентом: его женская сторона пребывала не в лучшей форме. Его сон фактически сообщал ему: “Ты в известном смысле ведешь себя, как падшая женщина”, и тем самым давал ему необходимый шок. (Этот пример, конечно, не должен быть понят как доказательство того, что бессознательное озабочено “моральными” нарушениями. Сои не говорил пациенту: “Веди себя лучше”, — а просто пытался уравновесить перекошенную природу его сознательного разума, который поддерживал фикцию, что пациент — совершенный джентльмен.)

Легко понять, почему сновидцы склонны игнорировать и даже отрицать послания своих снов. Сознание естественно сопротивляется всему бессознательному и неизвестному. Я уже указывал на существование среди первобытных племен того, что антропологи называют “мизонеизм”, — глубокого и суеверного страха нового.

Примитивные люди проявляют совершенно животные реакции на непредвиденные события. Но и “цивилизованный человек” реагирует на новые идеи зачастую так же: воздвигая психологические барьеры, дабы защитить себя от шока встречи с новым. Это легко наблюдать в любой индивидуальной реакции на собственный сон, когда оказывается необходимым допустить

Значение снов

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

некую неожиданную мысль. Многие пионеры в философии, науке и даже в литературе были жертвами врожденного консерватизма своих современников. Психология — весьма молодая наука, и, поскольку она пытается иметь дело с бессознательным, она неизбежно встречает мизантропию в его крайнем проявлении.